– Мэм? – лакей с подозрением посмотрел на запыхавшуюся Гвен.

Гвен поправила руками волосы и последовала за ним в кафе. Ей не нужно было далеко ходить – Хелен Хуан всегда занимала самое видное место.

Она сидела за барной стойкой в сильно облегающем платье, которое по-смешному перетягивало её пышную фигуру. Она была высокой и чувственной, и так, как она преподносила своё сладострастное роскошное тело, могли немногие женщины. Даже в помещении она носила классические коричневые очки от Gucci, которые прикрывали её лицо, обрамленное невероятной массой иссиня-чёрных волос, спадающих непринужденным каскадом локонов по спине. Кожа на её скрещенных ногах была загорелой, но всё ещё упругой и эластичной, её прижатая грудь растеклась в стороны и, казалось, что она смотрит и на женщин, и на мужчин в комнате. Было совершенно очевидно, Хелен любила привлекать внимание и жаждала быть в центре.

– Прости, я опоздала! – сказала Гвен характерным любезным голосом, который она приберегла для Хелен. Гвен была удивлена, что этот тон так легко ей удавался, будто она этому где-то училась.

Хелен повернулась на стуле с таким видом, как будто рядом была припрятана телекамера.

Мать сняла солнцезащитные очки лёгким движением со своих объемных волос, чтобы показать тёмную, масляную подводку на глазах, а также слишком толстые ресницы; все это оставляло поддразнивающее первое впечатление.

Гвен застыла, словно лягушка перед змеей. Как будто кто-то выдернул вилку из розетки, и её тело переклинило.

– Моя прекрасная Гвиневра, – пропела её мать таким многообещающим голосом, что сейчас должно что-нибудь произойти. Её реальным именем было все-таки Гвен, но матери всегда хотелось, чтобы это звучало намного более "культурнее", как она выражалась.

Чувственная женщина с достатком обняла свою высокую, гибкую дочь, обмениваясь легкими поцелуями при соприкосновении их щек, со стороны они казались образцовым союзом матери и дочери. Цветущая юная дочь в голубом воскресном платье от Miu Miu, любящая мать в Chanel с шармом зрелой женщины, и все это на фоне цветов и десертов в чайной комнате гайд-парка Шератон – для этого и жила Хелен – для такого прекрасного мира.

Несмотря на часовое опоздание, мэтр всё же подготовил свободный столик на двоих и подал пирожные, чашки и мороженое.

В то время, как Гвен наблюдала, как её мать оставляет идеальный отпечаток губной помады на фарфоре, у девушки началась изжога. Это был шведский стол с десертами, которые она обычно не могла себе позволить, но у организма Гвен всё равно не было никакого желания.

Взбитые сливки, свежие булочки, лимонное безе – все это, казалось, должно вызвать хоть-какую-то реакцию.

Сидя напротив Гвен, Хелен занималась своим любимым делом – подшучивала на тему моды и последних неудач отца.

После борьбы с клубничным пирожным и попыткой съесть хотя бы кусочек, Гвен решила просто выпалить правду.

– В общем… – она вежливо кашлянула в салфетку. – Вчера у меня была проверка на предрасположенность, и я – Эвокер.

Карие глаза матери стали похожи на два зеленых кристалла арктического льда.

– Это замечательно, дорогая, – произнесла её мать со злым равнодушием. Было очевидно, что худшей формой пренебрежения было не отвращение, а прекращение заботы. – И?

– Просто… Эвокер, – Гвен не решалась встретиться взглядами с матерью. Радужка Хелен стала еще ярче чем у Гвен, редкого зеленого цвета с концентрическими золотыми ободками, окаймляющими зрачки, они вызывали ужасное впечатление тигриных глаз, смотрящих сверху вниз на свою жертву. Даже будучи в другом теле, Гвен почувствовала, как её живот сжался от чрезвычайного недовольства матери, сработав, как реакция Павлова её подросткового тела.

– Я… поняла, – её мать улыбнулась, но Гвен увидела оскал. О, эти зубы! Гвен вздрогнула. Эти блестящие жемчужные зубы, которые так любила демонстрировать Хелен, её улыбка была настолько широкой, что обнажились даже клыки, но в глазах никакой улыбки никогда и не было. Это точно был оскал!

В следующую минуту они молча пили чёрный Earl Grey, переваривая обстоятельства.

Гвен задумалась, что случилось с её матерью. Хелен была простой женщиной, опутанной сложной сетью взаимоотношений, которые нужно было разрулить. Гвен знала, что семья её матери в Сиднее очень богата. Её дядя был Предсказателем, а тётушка Призывателем. Они оба были средненькими магами, но происходили из рода с богатой историей, где встречались маги с высокой склонностью к колдовству. Там, где им не хватало магических способностей, тётя с дядей компенсировали это деловой хваткой. Их сын, Ричард, посещал колледж для принцев, частное магическое премиальное учреждение в Сиднее, и был учеником Призывателя третьего уровня со склонностью к водному элементу. Наконец, их овдовевший дед, теперь уже ушедший в отставку, когда-то был знаменитым Чарователем, хотя сейчас он слишком стар и тратит всё время на управление своим имением.

Мать, должно быть, надеялась, что Гвен сможет быть той, кем можно было бы похвастаться перед своим братом, но эта мечта умерла так же быстро, как и любая собака.

– Матушка, меня облапал парень в поезде, – внезапно сказала Гвен, слова сами вылетели из её рта, как будто им кто-то управлял. – Мне удалось сотворить заклинание, и он…

– Уже поздно, – быстро прервала её мать. – Да, уже слишком поздно, – повторила она, её голос стал холоднее, с колючими ледяными нотками.

Когда Гвен перехватила контроль над своим телом и попыталась сохранить некоторое достоинство, настроение её матери ухудшилось. Думала ли она, что Гвен специально врет для того, чтобы уменьшить гнев? Пытается ли повысить оценку за счет жалости? "Матушка, я подверглась сексуальному насилию, мне нужно успокоение и утешение от загубленной карьеры?"

Еще один приступ беспокойства, еще одна лихорадочная судорога мышц живота. Если бы они не были на людях, то Гвен попыталась бы себя ударить в живот, чтобы хоть как-то вернуть контроль над телом.

– В следующий раз? – услышала она и её голос затих, чувствуя, как внутренности скручивает в узел.

"Господи, я же взрослая женщина...", – Гвен почувствовала, как ее лицо покраснело от разочарования и ощущения трагедии. "Что эта женщина сотворила с этой бедной девушкой, что ее собственное тело игнорирует ее ментальные команды и впадает в гипервентиляционную панику?" Всякий раз, когда Хелен реагировала на Гвен, как будто другая её часть перехватывала контроль над её разумом.

– Я позвоню, – сказала её мать, не смотря в сторону дочери. – Прощай.

* * * * *

Гвен успела добраться до гайд-парка, прежде чем ей захотелось разорвать это дорогое платье и подарить сумку Chanel первому попавшемуся бомжу. Ей хотелось плакать. Один лишь Бог знает, как ей сильно нужно прокричаться. Мягкие ткани её дорогого наряда заставляли кожу чесаться. Она стояла под реликтовыми кипарисами, пережившими ещё Первую мировую войну, и пыталась взять себя в руки. В сознании Гвен за контроль боролись гормоны и рационализм; гнев, разочарование и страдание образовывали гремучую ядовитую смесь.

Гвен попыталась задавить эмоции, но через мгновение, что-то в её груди, что копилось с прошлой ночи, взорвалось, как гейзер.

– Ааргх!

Она прорычала крик негодования и почувствовала темные эмоции, накатывающие как волна из её астральной формы. Её подавляло чувство отвращения к себе, она ощущала, как нечто

холодное и тёмное течёт по её каналам маны. Разряд теневой энергии, видимый боковым зрения, охватывал все её непосредственное окружение. Густо цветущая лужайка под ее ногами, казалось, взорвалась и разлетелась в клочья, а несколько разрядов бросились к стволу гигантского кипариса, выжигая белесую плоть древнего дерева.

Эффект, по-видимому, длился всего секунду, но Гвен поняла, что вышла из-под контроля. Ее мир завертелся, она тяжело опустилась напротив дерева и рухнула в груду сухих веток.

* * * * *

– Мисс? С вами все в порядке?

Гвен очнулась, её нежное тело пылало от боли, а её суставы выворачивало.

Рядом с ней стоял молодой парень, одетый как студент университета, с сумкой для камеры, перекинутой через плечо.

Гвен тут же почувствовала прохладный ветер из-за мокрой, пропитанной потом, блузки.

"Я потеряла сознание в общественном месте?!", – Гвен удивлялась тому, что с ней произошло.

Да она везунчик, что на неё не напали или не сделали с ней ещё чего похуже.

Инстинктивно, она потянулась к своей сумке, абсурдно дорогой, единственной сумочке от матери.

И, естественно, она нашла себе более осторожного владельца.

Гвен захотелось плакать, но это было уже не желанием своего альтер-эго. Это было её собственным отчаянием в попытках примириться с чередой неприятных событий, которым, кажется, конца края не видно. Во-первых, она пробудилась, чтобы стать отбросом. После этого до неё домогались в поезде. А теперь она упала без сознания, и её ограбили. Может быть на обратном пути её тоже облапают, чтобы уж окончательно сделать её день?

Гвен поняла, что если она сейчас заплачет, то это будет совсем не постыдно. Все, кто знал её обстоятельства, сказали бы, что она должна выплеснуть эмоции, хотя бы и такие. Действительно, вкупе с её физическим истощением, она могла бы и немного "пустить кровь эмоциям", независимо от того ум зрелой женщины у неё или нет.

– Я нашёл это…

Её мысли были грубо прерваны сочувствующим студентом.

Обратившийся молодой человек поправил очки. Только потом Гвен заметила, что он держал её кошелек, хотя в отличие от сумки, это была обычная безделушка из К-Марта.

– Кто-то бросил его в урну… Я полюбопытствовал и заглянул внутрь, там была семейная фотография.

– Тогда я увидел тебя, но подумал, что ты спишь, пока понял, что ты не двигаешься.

Он указал на платье, перепачканное в грязи, и нервно сглотнул.

– Мисс… мне позвонить в полицию?

Её телефон исчез.

Как и деньги, их тоже не оказалось внутри.

Но зато у неё остались её ID удостоверение, банковская карточка и билет на поезд.

– Спасибо, – ответила она с блестящими от слёз глазами, которые грозились вот-вот пролиться. Это был только второй день в этом мире, а она уже готова взять что-нибудь острое и покончить со всем этим.

– Думаю, со мной всё будет в порядке.

Её платье было грязным, обувь запылилась, а кожа исцарапана. Голые ноги моментально покрылись мурашками, они были совсем не готовы к холодным сумеркам, когда солнце скрывается за горизонт.

– Ты должна обратиться в полицию, – студент смотрел на неё сверху вниз любопытным взглядом. – Тебя ограбили. Я уверен. Может пойти в больницу? Как ты потеряла сознание?

– Я действительно в порядке, – сказала Гвен немного решительнее. Она просто хотела поехать домой. У неё был билет, и на данный момент это уже хорошо.

– Хочешь, чтобы я… – но студент увидел усталую, настороженную враждебность в её глазах и передумал заканчивать. – Послушай, если тебе нужно отчитываться перед полицией…

– Благодарю вас, сэр. И прощайте. – отмахнулась Гвен.

Она пошатнулась на ногах и отряхнула платье. Оно нуждалось в сухой чистке. Больше денег, больше затрат, которые она не могла себе позволить.

Отойдя от студента, который желал ей блага, она направилась обратно в центр. Её колено повредилось, теперь, когда Гвен избавилась от назойливого прилипалы, она снова почувствовала присутствие меланхолии, похожую на густую вязкую слизь.

"Полагаю, так люди и совершают самоубийства", – подумала Гвен. "Что за хреновый день?"

Она остановилась перед полицейской будкой в центре и сдала отчёт. Оставив номер своей школы и телефонный номер отца, Гвен направилась к 18 платформе.

На город опустились сумерки, и Гвен крепко обхватила себя руками напротив двойных стеклянных дверей поезда, в которых отражался её жалкий вид. С её испорченным платьем, разодранным коленом она, наверное, напоминала жертву домашнего насилия, потому что всю дорогу ощущала на себе взгляды прохожих, гадающих о том, что же с ней произошло.

К тому времени, когда они добрались до Форествилля, ей уже пришлось вежливо объяснять некоторым самаритянинам, что она в порядке и уже едет домой. В Редферне она грозилась вызвать охрану из RailCorp, когда богато одетый мужчина решил, что она бездомная, и позвал её к себе домой.

Когда она, наконец, открыла дверь в квартиру, что казалась ей возвращением в Мордор, на пороге она столкнулась с удивленным отцом.

– Мне позвонили из полиции… – начал он, но его лицо не выражало беспокойства. Вместо этого у него был, почему-то, виноватый вид, как у ребенка, которого поймали с поличным. Это будет грубо, но она понимала, что слишком истощена и физически, и морально, чтобы ещё и разговаривать с отцом. Она протиснулась мимо него и направилась в душ.

– Эй! Не ходи туда…

Дверь была заперта.

Гвен обернулась на отца.

Перси никогда не закрывал за собой дверь в ванну.

Изнутри раздался голос.

– Мори, все в порядке? – под звуки душа послышался женский голос. Отец вежливо кашлянул рядом с Гвен.

"Чёрт!"– Гвен почувствовала, что сейчас закричит. Её барабанные перепонки вот-вот лопнут, как воздушный шарик. "Чёрт!"

Она переезжала в общежитие на следующей неделе, но этот чертов мужик.

Этот эгоистичный кусок дерьма! Неужели он сдохнет, если подождёт какие-то жалкие пять дней, чтобы притащить женщину в дом?

Возможно, Гвен даже ударила в дверь в ванную, она была слишком измучена, чтобы себя контролировать. Немытая, наплевав на всё, Гвен ворвалась в свою комнату, пока отец сердито не приказал ей оставаться там и запереть за собой дверь.

"Какие ещё грёбанные чудеса на меня свалятся завтра?" – с горечью подумала она. Тело упало на кровать, но её мысли были полны тьмы, прежде чем она успела произнести ещё одну фразу.

http://tl.rulate.ru/book/16999/357090